

Кириллов Герман Михайлович

"ТОПИКА" АРИСТОТЕЛЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ

В статье на примере "Топики" Аристотеля рассматриваются такие понятия, как "традиция" и "инновация", с целью исследования инновационных возможностей диалога как универсальной формы диалектической дискуссии. Акцентируя внимание на понятиях "инновация", "диалог", "диалектика", "топос", автор обосновывает идею важности существования этических рамок диалога и приходит к выводу, что диалектическая дискуссия в её аристотелевской форме не теряет своей актуальности в качестве нормативной основы для коммуникации современного информационного общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 121-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Актуальные вопросы музыки в кино:** стенограмма творческой конференции 14 апреля 1981 г.: машинопись / СК СССР, комиссия при Московской секции художественной кинематографии // Отдел междисциплинарных исследований киноискусства НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова.
2. **Балаш Б.** Культура кино / пер. с нем. М. – Л.: Государственное издательство, 1935. 89 с.
3. **Вюйермоз Э.** Из истории французской киномысли: немое кино, 1911-1933 / пер. с фр.; предисл. С. Юткевича. М.: Искусство, 1988. 317 с.
4. **Ильин И. А.** Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. 348 с.
5. **Иоффе И.** Музыка советского кино. Основы музыкальной драматургии. Л., 1938. 168 с.
6. **Корганов Т. И., Фролов И. Д.** Кино и музыка. Музыка в драматургии фильма. М.: Искусство, 1964. 350 с.
7. **Культурология. XX век:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. 447 с.
8. **Петров А., Колесникова Н.** Диалог о киномузыке. М.: Искусство, 1982. 175 с.
9. **Петрушанская Р. И.** Музыка и поэзия. М.: Знание, 1984. 56 с.
10. **Романовский И. И.** Масс медиа: словарь терминов и понятий. М.: Союз журналистов России, 2004. 480 с.
11. **Тарковский А. А.** Уроки кинорежиссуры. М.: ВИПК, 1992. 92 с.
12. **Тынянов Ю.** Поэтика кино. Перечитывая «Поэтику кино». Изд-е 2-е. СПб.: РИИИ, 2001. 574 с.
13. **Хангельдиева И. Г.** Музыка: театр, кино, телевидение. М.: Искусство, 1991. 164 с.
14. **Чельшев К. А.** Творческий портрет медиакритика К. Э. Разлогова // Медиаобразование. Media Education. 2015. № 4. С. 133-144.
15. **Черемухин М.** Музыка звукового фильма. М.: Госкиноиздат, 1939. 56 с.

SPECIFICS OF VOCAL MUSIC PERCEPTION IN THE CINEMA

Kizin Mikhail Mikhailovich, Ph. D. in Art Criticism
Schnittke Moscow State Institute of Music
kizine@bk.ru

The article discovers peculiarities of vocal music in the domestic cinematograph, which are considered to be important when creating an artistic cinematographic work. According to the author, vocal art in cinematograph represented as a sound track is an artistic device. Synthesis of vocal art and video emphasizes the audience's emotional empathy and promotes adequate perception of the characters' images. Vocal art comes out as a powerful means to influence the cinematographic audience.

Key words and phrases: vocal art; romance; song; cinematographic art; music; direction.

УДК 101.1:316.614

Философские науки

В статье на примере «Топики» Аристотеля рассматриваются такие понятия, как «традиция» и «инновация», с целью исследования инновационных возможностей диалога как универсальной формы диалектической дискуссии. Акцентируя внимание на понятиях «инновация», «диалог», «диалектика», «топос», автор обосновывает идею важности существования этических рамок диалога и приходит к выводу, что диалектическая дискуссия в её аристотелевской форме не теряет своей актуальности в качестве нормативной основы для коммуникации современного информационного общества.

Ключевые слова и фразы: диалектика; диалог; топос; смысл; экзистенциал; медиация.

Кириллов Герман Михайлович, к. филос. н., доцент
Пензенский государственный университет
gekir10@mail.ru

«ТОПИКА» АРИСТОТЕЛЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ

Имя Аристотеля – одно из самых знаковых для понимания культуры античного мира. Проходят века, но споры вокруг личности философа и его богатейшего наследия не утихают. Его имя ассоциируется с логикой, этикой, диалектикой, наукой в целом. В настоящей статье мы остановимся на вкладе Аристотеля в «искусство диалектики», под которой в его время понимали мастерство ведения диалога. Понятия «диалог» и «диалектика» весьма ёмки и богаты множеством смысловых оттенков, в их взаимоотношениях проявляет себя взаимопроникновение формы и содержания. Полагаем, что обращение к истокам диалектической, а одновременно диалогической традиции актуально, оно могло бы помочь как в понимании нормативных основ диалога, так и его инновационного потенциала. Особое место в таком анализе занимает фигура Аристотеля. Образ Аристотеля достаточно сложен и противоречив, его лучше всего характеризует понятие амбивалентности. С одной стороны, философ воплощает в себе тип учёного-новатора, положившего начало многим научным дисциплинам,

с другой – его образ связан со схоластической традицией, которая олицетворяет консерватизм и даже догматизм. Амбивалентность касается и трактовки Аристотелем диалога.

Диалог по праву можно считать выдающимся изобретением греческой культуры, во многом определившим её инновационный характер. В нём нашло своё проявление так называемое «греческое чудо». Среди возможных причин этого феномена можно отметить талассократию Афин как форму владычества на море, способствующую развитию межкультурных коммуникаций с остальным цивилизованным миром; утверждение демократической формы государственного устройства, стимулирующей социальную мобильность; формирование особой социальной группы «античной интеллигенции» – софистов; наконец, агональный, соревновательный дух древнегреческой культуры. Традиция диалектической дискуссии в форме диалога стала воплощением ищущего, созидательного типа греческой культуры. Подобный диалектический «агон» отличался бескорыстным, незаинтересованным характером, нашедшим своё отражение в «дружеской беседе» Платона. Впоследствии нормативные основы такой беседы были закреплены в анонимных пролегоменах к платоновской философии. Традиция диалога ассоциируется, прежде всего, с именами Сократа, Платона и Аристотеля. Все три афинских мыслителя внесли свой вклад в становление диалогической традиции. Сократ довёл мастерство устного диалога до совершенства, Платон стал основоположником такого жанра, как критический письменный диалог. Что касается Аристотеля, то определить, какую роль сыграл он в становлении диалога, сложнее. Для того чтобы это сделать, вначале следует остановиться на вопросе, касающемся инновационных возможностей диалога как такового, а также рассмотреть его жанровые особенности.

В исследовании известного филолога и философа А. А. Россиуса «Платон: традиции и новаторство» выделяются два вида диалога: нарративный и драматический. Традиции нарративного диалога коренятся в истории греческой культуры. В нарративной форме написаны речи софистов. Драматический диалог родился в недрах платоновской Академии. «Нарративные (рамочные) диалоги передают рассказ об имевшей место беседе, а драматические – представляют собой откровенный обмен репликами» [8, с. 14]. Особый вид диалогов, разработанный в Академии Платона, – критические драматические диалоги. «Критические диалоги, – отмечает Россиус, – знаменуют подлинный перелом во всём творчестве Платона. В них вырывается наружу всё, что было доселе скрыто за стенами Академии: её школьная практика, оживлённые споры и сомнения и т.д.» [Там же, с. 17]. В самом деле, благодаря платоновским диалогам мы можем представить себя участниками изображённых событий, «оживить» происходящее, ощутить феномен диалога во всей полноте. Тем не менее картина дружеской беседы, античного симпозиа, которую стремится изобразить Платон, – это скорее идеал дискуссии, её подобие, мимезис или, выражаясь терминами философа, своеобразный «эйдос» диалога. В действительности же участники реального диалога сталкиваются с различными вызовами, в том числе с разногласиями внутри школы, полемикой с оппонентами конкурирующих философских школ. Поэтому перед Академией, особенно в период после второй сицилийской поездки Платона, встала необходимость выработки эффективного метода, позволявшего последователям философа отстаивать своё мнение в полемике с оппонентами. Проблема выработки метода была тесно связана с вопросом об обосновании нормативности ведения дискуссии. К сожалению, Платону не удалось до конца реализовать свой замысел. Осуществить эту непростую задачу оказалось под силу его ученику – Аристотелю. Инновационной стороной деятельности Аристотеля является, безусловно, то, что он создал учение о категорическом силлогизме, ставшее фундаментом логики. Было разработано мощное орудие для ума, способствующее обоснованию притязаний на истину. Кроме того, философ решает ряд сопутствующих задач: совершенствует форму диалектической дискуссии, ищет новые способы подачи материала, пишет специальное пособие по диалогу, развивает традицию руководств диалогом (*techne*), вводит в обиход Академии сочинения, которые сам он называл «*πραγματεία*», это греческое понятие может быть переведено на русский язык как «трактат». Перемены затрагивают и диалог: происходят изменения в самой манере ведения диалога: Аристотель активно вводит в число действующих лиц современников и самого себя. Содержательной стороной деятельности Аристотеля является, очевидно, то, что он смог усовершенствовать диалектический метод, приблизив его к задаче поиска истины. В то же время, согласно концепции древнегреческого философа, форма неотделима от содержания. По словам российского философа Д. В. Джохадзе, «Аристотель специально написал пособия, в которых подверг подробному анализу как технику, так и содержание диалога, этой признанной формы философствования в античности. Надо полагать, что до Аристотеля эта форма изложения философского текста удовлетворяла запрос греческого, по природе дискуссионного, ума. Аристотелевские сочинения “Тописка”, “О софистических опровержениях” и “Риторика” явились первыми методологическими пособиями ведения диалога с довольно детальным изучением и скрупулезным описанием его диалектического характера» [6, с. 23-45].

«Тописка» – раннее произведение Аристотеля, отражающее период, когда философ обучался в платоновской Академии. В нём намечается проект идеальной диалектической дискуссии. Предлагая толкование слова «тописка», О. В. Боровкова справедливо замечает: «Тописка – это... способ пространственной организации мысли, поиск, основанный на пересечении границ вещи, где и сосредоточиваются смыслы, что позволяет рассматривать вещь с различных точек зрения, с различных позиций» [5, с. 51-56]. Мы полагаем, что Аристотель и показал диалог с различных позиций.

В восьмой книге «Топкики» – а именно в главе пятой – Аристотель подробно останавливается на «дискуссионной» диалектике, а точнее на диалектике как инструменте вопросно-ответного обмена мнениями на основе «*endoxa*» (мнение, заслуживающее доверия) и обсуждает «испытующую» («пейрастическую») диалектику с расчётом на то, чтобы изложить стратегии для вопрошающего и отвечающего. Аристотель выделяет

три формы диалектических споров: агонистические (или софистические), дидактические и испытующие («*peirastic*»). Противопоставляя эти споры софистической и дидактической диалектике, Аристотель пытается определить границы и черты собственно диалектики, а именно диалектики с целью «исследования» и «изыскания». Он намечает нормы и условия ведения «образцовой» диалектической дискуссии, где участвуют вопрошающий и отвечающий. Эти нормы выглядят таким образом:

- 1) тезис, подлежащий обсуждению, должен быть правдоподобным и заслуживать доверия людей сведущих;
- 2) аргументы участников дискуссии также должны отвечать этому требованию;
- 3) ход дискуссии должен быть связным и отвечать логике, задаваемой ее тезисом или темой;
- 4) поведение участников дискуссии должно соответствовать требованиям, предъявляемым к «образцовому» аргументатору (вопрошающему) и «образцовому» реципиенту (отвечающему);
- 5) необходимо уважать мнение оппонента, недопустимы различного рода софистические уловки (подмена тезиса, умышленное непонимание, необоснованные обвинения и др.).

Согласно Аристотелю, взятые в отдельности роли вопрошающего и отвечающего могут быть определены в общем виде следующим образом: «Вопрошающий должен так вести речь, чтобы заставить отвечающего говорить самое неправдоподобное («*adoxotata*»), необходимо следующее из тезиса. Отвечающий же должен так вести речь, чтобы несообразное или противное общепринятому казалось получающимся не по его вине, а из-за тезиса. А полагать как первое то, что не должно полагать, и защищать положенное неподобающим образом – это, пожалуй, уже другая ошибка» [1, с. 516]. Таким образом, Аристотель приходит к выводу, что цель вопрошающего во время дискуссии состоит в том, чтобы заставить отвечающего принять предположения, которые являются «*paradoxon*» по отношению к его собственному тезису. Функция отвечающего заключается в том, чтобы сделать всё для того, чтобы не признать эти парадоксальные утверждения и, таким образом, защитить свой собственный тезис. Для того чтобы добиться этого, отвечающий должен доказать своё положение столь убедительно, чтобы в том случае, если вопрошающий достигнет своей цели, промах его будет состоять не в обосновании ответа, а в тезисе, который он отстаивает. Очевидно, что здесь речь идёт не о содержании тезиса, а о неких технологиях, которые используют участники дискуссии. Много зависит от того, кто будет использовать универсальное руководство Аристотеля: софист или настоящий поборник истины. Правила Аристотеля могут найти своё применение в агонистическом споре для тех, кто ведёт спор ради эффекта, демонстрации учёности, а не для тех, кто хочет добиться подлинного знания. Аристотель отмечает, что для людей, которые ведут спор ради исследования истины, «никто ещё не разобрал, к чему должен стремиться в них отвечающий, с чем согласиться и с чем не соглашаться...» [Там же].

Таким образом, в конце диалектической дискуссии, если стратегия вопрошающего преуспеет, у нас будет заключение, которое уже подтверждено, поскольку оно было образовано от посылок, подтверждённых наилучшим образом из возможных испытаний, о которых только мог подумать отвечающий, и выдержало их. Если отвечающий находит хорошее возражение, на которое вопрошающий не может ответить, заключение останется необоснованным, хотя необязательно опровергнутым. Чтобы его опровергнуть, отвечающему придётся стать вопрошающим и выдвинуть довод с целью того, чтобы обосновать противоположное утверждение.

В результате «общая задача» обоих соперников, упомянутая в «Топике», состоит не столько в том, чтобы вести дискусию согласно установленным правилам, сколько в том, чтобы установить, которое из двух противоречивых (противоречащих) утверждений, составляющих диалектическую проблему, является наиболее оправданным и обоснованным тезисом. Это представляется таким образом, как если бы диалектический спор был не противостоянием между двумя соперниками, а состязанием между двумя доводами: строгая приверженность правилам дискуссии стирает её субъективный характер и гарантирует эпистемологическую ценность заключения.

И всё же существует возможность субъективной интерпретации текста «Топики», которая определяется наличием в нём так называемых «топосов». Топосы (*τόπος* (др.-греч. *τόπος* – букв. «место»; перен. «тема», «аргумент»)) являются одним из наиболее интригующих аспектов аристотелевской диалектики. Вокруг интерпретации топосов шли дискуссии уже со времён древности. Аристотель лишь вскользь упоминает о топосах в своей «Риторике», не определяя их значений. Он отождествляет топос («*topos*») с элементом («*stoicheion*») и подчёркивает, что «элемент» (или «топ») – рубрика, под которой («*eis ho*») включаются «различные энтимемы». Американская исследовательница М. Спранзи отмечает, что «термин “топос” взят из области искусства запоминания», предназначенного для раторов, в котором «топосы» являются местом, где различные вопросы могут быть приведены в порядок, чтобы они могли помочь в последующем припоминании [11, р. 30]. Традиционное понимание топосов сводится к их отождествлению с «общими местами» или же к перечню стандартных доводов и аргументов, предназначенных для каждой из сторон дискуссии. То есть топосы могут интерпретироваться как определённый набор исключительно технических приёмов. Это происходит не только в возрожденной риторике, но и в языкознании, культурологии, литературоведении. И сегодня современными исследователями топосы понимаются «как регулярно воспроизводимые элементы художественного произведения» или некие константы: культурные, риторические, эстетические, художественные [9, с. 44-49]. Согласно традиционной (утвердившейся в риторике) точке зрения на топику, отдельные топосы представляют собой общепризнанные понятия, служащие для описания мира. «Топосы» – проекты аргументов или схематичные формы доводов. Нам близка точка зрения В. А. Садиковой, которая видит в топики «систему структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла» [Там же]. Топосы связаны в большей степени с мышлением, чем с бытием. В трактатке Аристотеля очевидна приоритетность бытия относительно мышления. Если категории

для Аристотеля – это «одновременно категории языка и мысли», то «Топика» – описание способов «использования этих категорий в мыслительно-речевой деятельности» [Там же]. Эта деятельность касается не подлинного, а правдоподобного знания, имеется в виду бытовое мнение человека по тому или иному вопросу. Таким образом, топику можно считать не дополнением к классической (формальной) логике Аристотеля, а скорее руководством к мыслительно-речевой деятельности людей. В процессе общения и познания формируются все ценности и смыслы, потому что топика – это наш способ структурирования мира, в котором мы живем, то есть «топос» – это граница существования смысла.

Нельзя не согласиться с В. А. Садиковой в утверждении о том, что «каждый топос – некий инвариант определенного типа высказываний, связанный с коммуникативным смыслом, образующийся только в конкретной ситуации в данный момент общения» [Там же]. В этой перспективе становится заметным субъективное процессуальное в структуре диалектической дискуссии. Топосы как структурно-смысловые модели адекватно отражают целостность бытия в сознании людей и позволяют эту целостность структурировать в процессе общения. Топосы, имеющие диалектическую природу и пребывающие в языке как вершинные языковые категории, находят своё выражение в мышлении и речи как структурно-смысловые модели, они обязаны своим функционированием исключительно коммуникации, поэтому не могут изучаться в отрыве от общения, несмотря на свой абстрактный характер.

Можно сделать предварительные выводы о том, что первая часть как диалектики, так и риторики состоит в очень общем виде в отыскании путей для нахождения подходящих доводов, а также посылок, соотносящихся с этими доводами. Вот почему она известна как «inventio» («инвенция»). Одновременно каждый из участников дискуссии может посредством топосов приобщиться к выработке новых смыслов, рождающихся в процессе общения. Такой процесс получения новых смыслов в ходе межличностной коммуникации носит инновационный, творческий характер. В данном случае представляется уместным обратиться к концепции М. М. Бахтина, разделяющего диалог на два полюса: «полюс» внутреннего «микродиалога», «пронизывающего каждый атом, каждую единицу сознания», и полюс внешнего «макродиалога», выходящего за пределы нашего сознания. Взаимодействие этих полюсов позволяет вписывать в культурный контекст новые смыслы [3, с. 224]. В. С. Библер различает внутреннюю и внешнюю формы диалога. По его мнению, «внутренняя речь помогает человеку постичь самого себя» [4, с. 186]. Внутренний, или «мысленный», диалог, по мнению философа, будет одним из «логических построений» в будущем [Там же, с. 211]. Обращаясь к творчеству Библера, А. С. Ахиезер отмечает, что «внутренний диалог личности неотделим у него от внешнего диалога людей друг с другом, от диалога, опосредованного человеческими отношениями. Это диалог общественных сил» [2, с. 24-34]. Медиационный диалог, находящийся на стыке между внутренним и внешним диалогом, носит творческий характер.

Для обозначения творческой деятельности в Древней Греции существовали два термина: «*poiesis*» и «*techne*». При наименовании нового творческого объекта употреблялось слово «*poiesis*», термин «*techne*» тоже служил для названия процесса создания произведений искусства, а также он использовался для обозначения различных технологий. Сама диалектическая дискуссия с лёгкой руки многочисленных комментаторов Аристотеля как метод поиска истины была поставлена на поток, она стала массовой, общедоступной. Теперь ведение диалектической дискуссии мог обучиться каждый. При этом подлинный диалог выхолщивается, становясь «общим местом», утрачивает своё диалектическое содержание. Д. В. Джохадзе делает важное наблюдение: «...диалектика всегда была диалогичной, но диалог не всегда диалектичен» [6, с. 23-45]. Неудивительно, что в период поздней античности свой реванш берёт софистика, лишённая стремления к истине; процветает словесное украшательство, пустословие. Вряд ли в этом была вина Аристотеля. В заслугу же ему можно поставить то, что он вписывает диалог (диалектическую дискуссию) в контекст окружающего мира. В результате диалог обретает конкретность, телесность, пространственно-временную перспективу. Мы не знаем, каковы были его диалоги, но, вероятно, диалоги Ренессанса в определённой степени представляют собой сплав аристотелевско-платоновской традиции. От Платона эти диалоги унаследовали драматизм, открытость финала. От Аристотеля – методологию, нормативность, конкретность и чёткость. К категориям и аристотелевским топосам, которые образуют структуру вопросно-ответной ситуации, фундирующей диалог, следует для лучшего понимания, видимо, добавить его экзистенциалы, конституирующие его в качестве феномена. Слова участников диалога, их отдельные реплики не возникают сами по себе, они порождаются экзистенциалами-интенциями. По словам французского феноменолога Мерло-Понти, речи Другого позволяют говорить и мыслить, они конституируют Другого, а также символический «каркас интересубъективности», образуемый экзистенциалами [7, с. 313]. В результате имеются только пересекающиеся поля, в которых интегрированы субъективности. Имеются два круга, две сферы, два водоворота, являющиеся концентрическими. В момент вопрошания они оказываются децентрированными.

В заключение хотелось бы отметить, что диалектическая дискуссия в её аристотелевской форме не теряет своей актуальности в качестве нормативной основы для диалога в пространстве коммуникации современного информационного общества. Выделение такой рамки могло бы способствовать отделению диалога от его эрзацев и девиаций, в том числе квазидиалогов, диалогов-симулякров и прочих форм коммуникационной «миимикрии». Она могла бы найти своё применение в этике техногенной цивилизации («этике Дальнего») Х. Йонаса, став основой для экологии коммуникации. В политическом дискурсе могла бы использоваться в качестве нормативной рамки для ведения парламентской дискуссии и стать основой для «новой риторики», использоваться в современной теории аргументации.

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. Философское наследие. 687 с.
2. **Ахнезер А. С.** Диалог в науке и в обществе. Монологизация и диалогизация управления (опыт российских теорий) // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24-34.
3. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
4. **Библер В. С.** От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
5. **Боровкова О. В.** Топика: эскалация притязаний // Вестник Томского университета. 2009. № 321. С. 51-56.
6. **Джохадзе Д. В.** Античный диалог и диалектика // Философия и общество. 2012. № 2. С. 23-45.
7. **Мерло-Понти М.** Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпарага. Минск, 2006. 400 с.
8. **Россиус А. А.** Платон: традиция и новаторство (к вопросу о жанровых особенностях «критических» диалогов): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1990. 24 с.
9. **Садикова В. А.** К вопросу о языковой топологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 44-49.
10. **Степанов Ю. С.** Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
11. **Spranzi M.** The Art of Dialectic between Dialogue and Rhetoric: The Aristotelian Tradition. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. 240 p.

“THE TOPICS” BY ARISTOTLE: TRADITION AND INNOVATION

Kirillov German Mikhailovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Penza State University
gekir10@mail.ru

By the example of Aristotle's "The Topics" the article considers such concepts as "tradition" and "innovation" with the aim to study innovative capabilities of the dialogue as a universal form of dialectical debate. Focusing on the concepts "innovation", "dialogue", "dialectics", "topos" the author substantiates the idea of importance of existence of the ethical framework of the dialogue and concludes that dialectical discussion in its Aristotelian form has not lost its topicality as a normative basis for communication of the modern information society.

Key words and phrases: dialectics; dialogue; topos; meaning; existential; mediation.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье показана роль «Записок русского путешественника» Н. М. Карамзина в формировании «ментальной карты» русского образованного сообщества первой половины XIX в. В тексте представлены маршруты, восприятие, оценки, коннотации, места памяти европейского пространства, предложенные Н. М. Карамзиным. Проанализированы основные содержательные и оценочные компоненты интеллектуального конструкта «Европа», смоделированного русским образованным сообществом первой половины XIX в.

Ключевые слова и фразы: маршрут; «ментальная карта»; интеллектуальный конструкт; путешествие; путеводитель.

Кирьяш Оксана Андреевна, к.и.н.

Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина
mml1982@yandex.ru

«ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н. М. КАРАМЗИНА И «МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА» РУССКОГО ОБРАЗОВАННОГО СООБЩЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Обновление проблематики, исследовательских подходов, понятийного аппарата является основным маркером интеллектуального поиска современного исследовательского сообщества. Подобный поиск привел не только к расширению проблемного поля, но и к актуализации и переосмыслению многих категорий и понятий, их потенциала и возможностей. К их числу относятся время, пространство, «ментальная карта» и т.д.

Историки отмечают, что в XX в. категории «путеводитель», «путешественник», «турист» прочно вошли в научный оборот. Однако в XIX в. смысловое значение этих понятий только закладывалось, оформлялось, наполнялось конкретными ценностными и оценочными характеристиками. Одним из первооткрывателей в этом направлении был Н. М. Карамзин с «Письмами русского путешественника». Он не просто открыл европейское пространство для русского сообщества XIX в., но и заложил определенный, достаточно устойчивый образ этого